

СНЕГОЗАВР горнолыжный фольклор

A photograph of a skier in silhouette descending a steep, snow-covered mountain slope. The skier is positioned in the lower center of the frame. The mountain's surface is covered in deep snow, with visible horizontal layers or strata on the right side. In the background, more snow-covered peaks and ridges are visible under a clear sky. A large, white, rectangular stamp with a distressed, hand-stamped appearance is overlaid on the lower right portion of the image. The stamp contains the Russian text "ЭТО ФРИРАЙД, ДЕТКА!" in a bold, sans-serif font, tilted slightly upwards to the right.

ЭТО ФРИРАЙД,
ДЕТКА!

Ля Грав

Тайные тропы

Snegozavr

Ля Грав. Тайные тропы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24389889

ISBN 9785448395604

Аннотация

Французская деревня Ля Грав – мекка фрирайда. Со всего мира сюда едут лыжники, чтобы прикоснуться к легенде и раскатать бесконечный пушистый снег, дикие склоны и сказочный лес. Герои книги приезжают сюда каждую зиму. У них не бывает обычных дней. Их маршруты нередко запутаны, а цели неочевидны. У них странные друзья, экзотические подруги и необъяснимые намерения. Они штурмуют отвесные кулуары, играют джаз на леднике и ведут переговоры с древним народом. Для чтения долгими зимними вечерами.

Содержание

Пролог	5
Краткий словарь фрирайдера	7
Ля Грав. Тайные тропы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ля Грав. Тайные тропы

Snegozavr

© Snegozavr, 2017

ISBN 978-5-4483-9560-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Привет всем! Алоха и намастэ!

Это первая книга серии – «Горнолыжный фольклор». Рассказы, байки, тосты и прочие виды разговорного апрески.

Серия называется «Это фрирайд, детка», и неспроста. Лучшие рассказчики среди горнолыжников, как известно, фрирайдеры.

Трассовики – люди серьезные и к словам равнодушные.

Десятые, сотые – да! А слова, буквы – тьфу!

Горнопляжники – неопытны.

Ньюскулеры, как дети.

А бордеры знают не более трех слов – «Йо», «ха» и «гоу».

Посвящается Ля Граву, маленькому поселку в центре Французских Альп. Всем, кто там катает или только собирается. Всем, кто там живет и работает. Всем, кто любит эту горную страну, ее народ и традиции.

Надо сразу сказать, что это не путеводитель, не реклама, а почти натуральная быль. Все эти люди, места и события реально существуют. Спросите Леху – он подтвердит.

В Ля Граве нет сотен подъемников, нет тысяч отглажен-

ных трасс, нет миллионов фешенебельных отелей. Вместо этого – ледники, скалы, лес, друзья, да еще верные лыжи и сноуборды.

По-научному катание в Ля Граве называется фрирайд. Или катание по неподготовленным склонам. А по-ненаучному – это и есть то, что бог на восьмой день дал лыжникам (и примазавшимся к ним бордерам).

Краткий словарь фрирайдера

Павдердэй – день, предвкушение которого дает фрирайдеру силы ходить на работу и жить в семье. Но когда на склоны любимых гор падает от 30 см свежего снега и более, он (фрирайдер) уже там – на склонах, в танце белого вихря.

Павдер, пух, пухляк – свежий пушистый снег. Священный символ фрирайда. Появляется в павдердэй.

Флюэнтно – плавно, быстро, уверенно, как поток ветра или воды.

Бугель – бугельный подъемник. Подъемник, у которого нет сидений и кабинок. Фрирайдер едет вверх, уцепившись за железную палку руками или задницей.

Ластоногие = бордеры. **Бордеры** = сноубордисты.

Кулуар – вид рельефа. Узкое крутое ущелье. Арена фрирайдерских подвигов.

Дроп – прыжок с какой-либо неровности. А также сама неровность.

Могул – флюэнтное катание по буграм.

Беседка (обвязка), веревка, карабины, самостраховка – вообще это амуниция скалолазов. Фрирайдеры же, облаченные в эти аксессуары, тонко намекают на сложность пройденных ими маршрутов. Но бывают случаи применения по делу.

Грэб, мисти, корк – трюки бордера в прыжке.

Валлон и Шансель – два наиболее известных в Ля Граве маршрута спуска от холодных альпийских вершин к теплым ресторанчикам поселка.

Что-то словарь затянулся. Остановимся. А если встретите в тексте незнакомое слово – просто игнорируйте его. Ведь во фрирайде нет смысла, только фан, поэтому значения слов не важны.

Ля Грав. Тайные тропы

Voyage, voyage

Plus loin que la nuit et le jour,

Voyage

Dans l'espace inoui de l'amour.

Voyage, voyage...

Desireless, 1986

Полметра ночного морозного снега выровняли склоны так, что можно было мочить напрямую. Небольшой контруклон увел меня вправо, я притормозил и увидел Леху, летящего на здоровенный бугор, от которого начинался выкат к канатке.

– Йо-го-го! – завопил Леха, и природный трамплин выстрелил его в голубое небо. Леха взмыл метра на два, распрямился, распахнул руки навстречу ветру и выдал крик орла. Приземлился в мягкий пух, отсел было назад, но удержался, выровнялся и в разнузданном браккаже вылетел на поляну перед подсадкой. Следом выкатился на поляну и я. Леха уже снял со спины свой увесистый рюкзак и увлеченно копался в нем.

Сказочный снежный мир дышал мне в лицо, смотрел мне в глаза всеми оттенками белого. Я достал свой карманный «Кэнон» и...

...Толстяк. Невысокий бородатый толстяк сидел на пе-

рилах возле подсадки и жевал зубочистку. Где-то я его видел. Где?

Я повернулся к Лехе. Леха сделал глоток амброзии из увесистой фляги и хрипло захохотал.

– Это было кислородно! – гроулом выдал он. Потом метнул мне флягу, выщелкнул себя из громоздких лыж и рухнул навзничь в белую пену. Яркий снег искрил в утреннем солнце.

Вчера мы заночевали в ресторане на высоте 3200 и сегодня первыми раскатали Валлон после ночного снегопада. Километры нетронутой целины возбудили нас, и наш проезд можно было снимать в ски мувисах. Были скалы и дропы, шлейфы невесомой снежной пыли, слалом среди сосен, фехерические уборки и скикросс с могулом на выкате. Минуту назад мы с воплями вылетели к подсадке, и тут еще никого не было.

А сейчас сидит толстяк и жует зубочистку.

– Хай! – махнул я толстяку. – Ду ю вонт сам дринк?

Леха запустил в меня снежком и врезал гроулом прямо со своего лежбища: «...на белом-белом покрывале я-а-нваря, не прогоняй меня моро-оз...»

Ослепительно белый снежок быстро приближался к моей переносице. Он летел, вращаясь в горизонтальной плоскости на фоне ярко-голубого утреннего неба. В этот момент я по-

смотрел толстяка. Тот помахал мне зубочисткой так, словно он Караян или, в крайнем случае, Гергиев. Снежок подлетел совсем близко, и мне пришлось наклониться и повернуть голову. Снежок чиркнул по онейловской шапке и бессильно зарылся среди своих пушистых родственников.

Я снова взглянул на толстяка. Но ни Караяна, ни даже Гергиева на перилах уже не было. Там вообще никого не было. Леха продолжал исторгать: «...хочу побыть немного я-а-а на белом-белом покрывале я-а-нваря», постепенно переходя с гроула на скрим...

Окружающие нас елки, как настоящие горцы, в белых бурках и белых папахах, загадочно молчали.

– Леха, – окликнул я. – Эй! Старикан!

Вообще-то, Лехин ник – Стар. Но мне нравится называть его Стариканом. Просто у меня хреновая дикция и односложные слова в моем исполнении иногда понять невозможно. Да и слово «Старикан» мне нравится гораздо больше. В нем есть ритм, настроение, в нем есть брутальное секси, как говорила одна поэтесса из Риги.

Леха поднял себя и свои эндорфины с белого покрывала и воззрился на меня. В его глазах плескалась радость, энергия и блаженство. В моих – вопросы и сомнения.

– Ты видел? – спросил я.

Леха странно посмотрел на меня:

– Ты о чем?

– Там, – показал я на перила, – сидел толстяк.

Старикан широко поставил ноги, растопырил пальцы, по-
диджейски задвигал руками и забормотал:

– Там сидел толстяк,
а здесь танцевал хомяк,
оттуда пришел поляк
и снова ушел в поля
с отвешенными люля.

А этот пропавший толстяк —
Может, он был холостяк?
с наколками на кистях
и понимал в снастях,
странствиях и страстях?

Манила его земля,
березы и тополя,
и вот на канатке в Ля
мы встретили... труля-ля... – наконец выдохся Старикан.

Мы осторожно подошли к перилам, где, по моим наблюдениям, ранее сидел бородач с избыточным весом. Но ни на перилах, ни рядом никаких следов не было. Сразу за перилами начинался обрыв. В обрыве тоже было безлюдно.

– Тебе показалось, – мудро и заботливо сказал Старикан.

– Я не согласен, – парировал я. – Мое возбужденное павдердзем сознание могло бы создать развратных азиаток, широкобедрых скандинавок, но! – толстого бородатого коротышку?!

Короче, я не согласен! Там кто-то был!

Тут со стороны «Шанселя» послышались радостные вопли, и на просеку под канаткой выкатились разноцветные бордеры. В ресторанчике, что над озером, есть приют для ночевки. Оттуда они, видимо, и катили.

В странном состоянии ума и души должен пребывать человек, выбравший судьбу бордера. Широкие сползающие штаны, навсегда связанные ноги, глупые принты, отказ от связной речи и логики – какие же ужасные преступления совершили эти люди, за что они так наказали себя, какие грехи пытаются они искупить, ступая на столь бессмысленную стезю? Не знаю. Терзаюсь раздумьями. Много раз говорил я с ними, их детский лепет умилял меня, но ни на йоту не приближал к ответам на озвученные вопросы. (Ладно, ладно. Под пытками вынужден признать, что это – шутка)))))

И разноцветные бордеры врезали рок-н-ролл в этой сонной снежной сказке. Да, было на что посмотреть.

Пестрым ручьем катились они по белой просеке, поочередно исполняя какие-то свои бордерские мисти да корки, и вскоре выкатились на поляну к нам с Лехой. Яркий и шумный клубок бордеров распался, и мы увидели компа-

нию из четырех парней и девушки. Они ошалело смотрели на нас, как на привидений. Они точно не ожидали никого здесь встретить, и вот на тебе!

Яркие одежды ластоногих раскрасили наш акварельный пейзаж такими смачными расцветками, словно граффити Кандинского собор Святого Януария.

– Хай, незнакомые бордеры! – крикнул им я.

– Бонжур. Ай эм Стар, – скромно добавил Леха.

Один из бордеров, с прической Брайана Мэя, в зеленом кислотном комбезе, подъехал к нам и, еще не отдышавшись, радостно размахивая руками, взхлеб начал рассказывать и показывать свой сегодняшний спуск.

Пока я обдумывал мысль про то, как клево быть таким молодым и шумным, Старикан начал тоже что-то вещать, причем одной рукой он изображал феерическое катание, а из другой руки поил бордера амброзией.

Вдруг опоры канатки вздрогнули, струны тросов завибрировали, ролики скрипнули и прокрутились. Легендарная лягравская канатка начала новый трудовой день.

Лягравская канатка – дорога с непростой судьбой. Построена в 1976 году. В том же году ее взорвали зеленые террористы. Зеленые! Карл! Воинственные природолюбцы взорвали самую чистую канатку Франции. Да, Карл, да, в доброй тихой Франции сорок лет назад милые французы решали споры таким способом. В 1986 дорогу обанкротили, и стро-

или планы модернизации, но ее создатель Denis Creissels выкупил подъемник. И оставил все, как было, как задумывалось.

И по сей день он является управляющим этим уникальным предприятием по заброске в горы социопатов, отрицающих общечеловеческую тягу к катанию по прилизанным трассам, психов, бегущих от протухшего комфорта и тошнотворной безопасности в бодрящие кулуары, к адреналиновым скалам и зубодробительным полям, чудаков, которым Вега, Денеб и Альтаир ближе любых мишленовских звезд.

Но хватит пафоса! Духовые и литавры замолкают, а к нашей поляне, к станции подсадки подъезжают пять кабинок.

Все кабинки заняты персоналом подъемника и продуктами для ресторанчиков на 2400 и на 3200. А... Нет! Одна свободна! Туда и направились Леха, я и пятеро юных бордеров.

И вот, уютившись всемером в шестиместной кабине, плотно осязая друг друга плечами и пятыми точками, мы начали возноситься к очередному оксигенному спуску в фантастическом капучино из солнца, взбитой ветром снежной пены и горячего кофе наших бурлящих желаний.

– Когда я был в Аргентине, – начал было Старикан... (Англо-франкскую речевую смесь моего друга удивительным образом понимают почти везде. Посему трудностей в разговоре с ластоногими не было.) (*Ластоногие – так называют сноубордистов.*)

– Вау, Шаганэ, он был в Аргентине! – перебил Брайан Мэй, обращаясь к девчонке из их банды.

– Вау! – тут уже офигел я. – Как ты ее назвал? Тебя зовут Шаганэ?

– Да. Моя бабушка была русской. А папа – армянин из Ахалцихе. Знаете, где это? – вдруг нараспев по-русски произнесла Шаганэ.

Мне тут же стало стыдно за кой-какие мои слова в кабинке.

– Да, конечно, на юге Грузии, рядом с Боржоми. Там...

– Знаю! Знаю! Там родилась та самая Шаганэ, – воскликнула юная франко-армянская пери.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ,
Потому что я с севера, что ли,
я могу рассказать тебе поле...» —

запел Старикан хриплым баритоном. (Если вы еще помните, кто такой Joe Cocker, так я вам скажу, что Леха его уделал). Он игриво подмигивал, барабанил пальцами по биперу, бипер тоже подмигивал, а один из бордеров неожиданно достал губную гармошку и весьма достойно стал подыгрывать.

О, времена!.. Остальные бордеры схватили смартфоны и бросились записывать это haut concert.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.